

К ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ 1927 ГОДА:
ПИСЬМО О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ
М. И. РОСТОВЦЕВУ*

© 2015 И. В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

(tunkina@bk.ru)

В статье впервые в полном виде публикуется письмо медиевиста О. А. Добиаш-Рождественской 1926 г. к академику М. И. Ростовцеву, касающееся интриги вокруг избрания его давнего друга, филолога-классика, члена-корреспондента Академии наук Сергея Александровича Жебелева в действительные члены Академии наук СССР в 1927 г. Автор письма просил М. И. Ростовцева однозначно высказаться, поддерживает ли он кандидатуру С. А. Жебелева на выборах 1927 г. К сожалению, ответное письмо М. И. Ростовцева до нас не дошло. Оригинал публикуемого письма хранится в фонде М. И. Ростовцева в Библиотеке особых коллекций Дьюкского университета (Северная Каролина, г. Дарем, США).

Ключевые слова: *О. А. Добиаш-Рождественская, М. И. Ростовцев, академические выборы 1927 г., С. А. Жебелев*

В процессе подготовки книги «Скифский роман» (Скифский роман, 1997) 15 лет назад академик Г. М. Бонгард-Левин передал мне ксерокопию письма неустановленного автора, адресованного М. И. Ростовцеву. Оригинал письма хранится в фонде М. И. Ростовцева в Библиотеке особых коллекций Дьюкского университета (Северная Каролина, г. Дарем, США) — Special Collections Department. William R. Perkins Library. Duke University. Box 3. Correspondence. Language Russian, n.d. Письмо без даты, хотя по содержанию документ можно отнести к лету 1926 года.

Письмо подписано криптонимом *ОДР*, который Г. М. Бонгард-Левин не смог раскрыть. При знакомстве с почерком и содержанием письма мне стало ясно, что письмо было написано ученицей М. И. Ростовцева по Высшим женским (Бестужевским) курсам, первой женщиной — магистром (1915 г., с 1918 г. — доктором) всеобщей истории в России, медиевистом и палеографом Ольгой Антоновной Добиаш-Рождественской (1874–1939). Документ был цитатно использован мною в главе «М. И. Ростовцев и Российская академия наук» (Тункина, 1997. С. 120–121).

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-99604.

Использование О. А. Добиаш-Рождественской инициалов (криптонима) в переписке с эмигрировавшим учителем вполне объяснимо: М. И. Ростовцев как видный деятель кадетской партии, открыто поддерживавший Белое движение, считался в Советском Союзе одиозной фигурой — ученый заслужил на родине славу непримиримого противника большевизма (Тункина, 1997. С. 93–110; 2002. С. 4, 8–9; Ростовцев, 2002). Любые контакты с ним, тем более переписка и книгообмен, для ученых СССР считались предосудительными. Имя М. И. Ростовцева в лучшем случае замалчивалось, а чаще охавалось представителями власти и официальной науки. Десятилетия оно оставалось фактически под запретом — в научной литературе не приветствовались ссылки на его труды, хотя поколениями советских ученых его работы без зазрения совести переписывались страницами, причем без указания на источники заимствования.

Несколько слов об авторе письма. О. А. Добиаш закончила Высшие женские (Бестужевские) курсы (1895–1899), где училась у И. М. Гревса и М. И. Ростовцева. В начале 1908 г. она вышла замуж за физика Д. С. Рождественского и стала носить двойную фамилию. В 1908–1911 гг. по рекомендации И. М. Гревса О. А. Добиаш-Рождественская была командирована для научных занятий во французских архивах, слушала лекции в Сорбонне, Школе хартий и Практической школе научных исследований у французских медиевистов Ш. В. Ланглуа и Ф. Лота. С семьей последнего, прежде всего с филологом-медиевистом М. И. Лот-Бородиной, дочерью академика И. П. Бородин, она подружилась на всю оставшуюся жизнь.

О. А. Добиаш-Рождественская преподавала на кафедре всеобщей истории Высших женских курсов (1907–1908, 1911–1915), где затем стала профессором (1916–1917). Накануне и в годы революции Ольга Александровна являлась членом конституционно-демократической партии (конец 1916 – середина 1917), что стало поводом для ее ареста ЧК 31 августа 1919 г. (освобождена почти через месяц, 29 сентября 1919 г.). Членом той же «Партии народной свободы» еще с 1905 г. состоял М. И. Ростовцев: в марте 1917 г. он вошел в состав ее литературной комиссии, ведавшей партийной типографией. В июне

1918 г. М. И. Ростовцев, спасаясь от преследований, которым подвергались кадеты, под предлогом заграничной командировки бежал из России (Тункина, 2002. С. 3)

В послереволюционные годы О. А. Добиаш-Рождественская стала профессором кафедры всеобщей истории Петроградского-Ленинградского университета-Ленинградского института истории, философии и лингвистики (1919–1927, 1934–1939), параллельно преподавала в Петроградском археологическом институте, являлась профессором Российского института истории искусств (1919–1921), одновременно состояла сотрудником разряда археологии искусства средневекового запада Археологического отделения РАИМК (1920–1927) (Наука, 1926. С. 88).^{*} Многие годы она проработала в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде (1922–1939). Основные труды О. А. Добиаш-Рождественской, получившие мировую известность, посвящены истории западноевропейского средневековья, источниковедению, латинской палеографии V–X вв. В 1929 г. она была избрана членом-корреспондентом АН СССР (Ершова, 1988; Воронова, 1999).

В 1920 г., мае-июле 1926 г. и в июле-августе 1929 г. О. А. Добиаш-Рождественская была командирована в Берлин и Париж для ознакомления с новыми каталогами латинских рукописей и новой литературой в области палеографии. Во время заграничной командировки в 1920 г. в Париже О. А. Добиаш-Рождественская впервые увиделась с М. И. Ростовцевым после его эмиграции и в личных письмах к нему смогла откровенно написать о положении в историко-филологическом мире Петрограда в первые годы советской власти. Об этом М. И. Ростовцев в ноябре 1921 г. сообщал писательнице, лидеру российского феминистского движения и активному деятелю кадетской партии А. В. Тырковой-Вильямс (1896–1962): “В Париже у Лотов”^{**} сидит

^{*} Вызывает удивление, что в алфавитном перечне сотрудников РАИМК, составленном Е. В. Бобровской и В. А. Алексиным, имя О. А. Добиаш-Рождественской вовсе не упомянуто (Академическая археология, 2013. С. 327–400).

^{**} Лот Фердинанд (Lot Ferdinand; 1866–1952), французский историк-медиевист, специалист по истории Франции; член Института Франции, профессор Сорбон-

О. А. Добиаш. Но взяла обет молчания. Сообщила мне много интересного. Между прочим о том, как меня ругают коллеги: уехал в командировку и не сдержал обета молчания [...]: обидел Ольденбурга*. А я уж и не помню: обижал или нет. По-моему, нет. Страннее всего то, что Ольденбург сам не обижается, а за него обижаются другие... Если бы не писал одну книгу за другой, давно бы повесился [...]. В России гниют от невежества, а я американскую школу историков древности создаю за несколько долларов со шутки. Чудны дела твои, Госоподи! Но все это поделом: трусы были, большевиков наплодили сами

ны и Практической школы научных исследований. В семинарах Ф. Лота О. А. Добиаш-Рождественская училась еще до революции. Научные интересы и личная дружба связывали О. А. Добиаш-Рождественскую не только с Ф. Лотом, но и с его женой Миррой Ивановой Лот-Бородиной (1882–1957), журналисткой, филологом-романистом, дочерью академика И. П. Бородин. Подробнее см.: Ершова, 1988. С. 32–34.

* Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), индолог, буддолог, организатор науки, общественно-политический деятель, академик (1900), непреходящий секретарь Петербургской АН-Российской АН-АН СССР (1904–1929). Деятельный участник либерального движения, с мая 1917 г. член Центрального комитета Конституционно-демократической партии, с 24 июля по 1 сентября 1917 г. министр просвещения, затем член Временного совета республики и товарищ председателя ее комиссии по национальным делам. В послереволюционные годы сотрудничал с большевиками в надежде спасти русскую науку от уничтожения. М. И. Ростовцев с 1919 г. осуждал тактику лавирования во взаимоотношениях с властями и соглашательскую позицию по отношению к большевикам административного руководства Академии наук, в частности, С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, Ф. И. Щербатского и др., что встретило непонимание коллег, оставшихся в Советской России. В 1921 г. М. И. Ростовцев опубликовал в «Times» резкую статью «Science in Bolshevist Russia» (рус. перевод: Ростовцев, 2002. С. 86–94) в ответ на оптимистичную статью С. Ф. Ольденбурга «Наука в России (Работа Академии наук)» в русской газете «Новый путь» (Рига, Латвия). М. И. Ростовцев писал о невозможности свободно работать в области гуманитарного знания в Советской России из-за провозглашенной большевиками партийности науки. Отказ от личных контактов с академиками-«соглашателями» выразился, например, в том, что в 1923 г. М. И. Ростовцев не принял в Париже командированного во Францию Н. Я. Марра — последний, придя на встречу к М. И. Ростовцеву, «не застал его дома». Подробнее см.: Тункина, 1997. С. 93–95.

и засрались с ними, ... даже возражать не смели [...] Рожа у нас кривовата, и надо расплачиваться по счету» (цит. по: Письма, 1997. С. 486).

В первые послереволюционные годы М. И. Ростовцев порой доходил до тотального осуждения всего, что происходило в Советской России, невзирая на лица и обстоятельства. В письмах к А. В. Тырковой-Вильямс он всегда резко, не стесняясь в выражениях, остро критиковал большевиков и всех тех, кто с ними сотрудничал, в том числе академиков Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга, пытавшихся спасти Академию наук от ликвидации ее большевиками ради сохранения и развития культурного будущего России.

Публикуемое письмо О. А. Добиаш-Рождественской касается интриги вокруг избрания в действительные члены Академии наук давнего друга М. И. Ростовцева, филолога-классика, археолога, эпитафиста Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941). С. А. Жебелёв, в отличие от М. И. Ростовцева оставшийся в Советской России, в то время являлся заведующим разрядом Эллады и Рима (1920–1929) и одновременно товарищем председателя (1923–1928) РАИМК, а также профессором ЛГУ. Еще с дореволюционных времен он являлся членом-корреспондентом по разряду классической филологии и археологии Историко-филологического отделения Петербургской АН (с 27 ноября 1914 г.) (Персональный состав, 2009. С. 9). В апреле 1926 г. научная общественность отметила 35-летие научно-педагогической деятельности С. А. Жебелёва торжественным заседанием в РАИМК, «чаепитием» в Музее древностей ЛГУ и сборником в честь юбиляра, который из-за отсутствия средств в печати так и не появился (сохранился в нескольких экземплярах на правах рукописи).

В отсутствие М. И. Ростовцева, с дореволюционных времен воспринимавшегося как непрекращаемого лидера отечественного антиковедения, в среде ленинградских ученых возникло две противостоящих друг другу группировки. В первую вошли ученики и младшие коллеги М. И. Ростовцева и С. А. Жебелёва, приверженцы строго историко-филологического метода исследований — М. И. Максимова, И. И. Толстой-младший, С. Я. Лурье, П. В. Ернштедт, молодые филологи-классики И. М. Троцкий (с 1938 г. Тронский), Я. М. Боровский, А. И. Доватур, А. Н. Егунов,

собиравшиеся на научные семинары на квартире И. И. Толстого. К противоположной группе принадлежали ученые разных специальностей — лингвисты, литературоведы, востоковеды, антиковеды, археологи, искусствоведы и пр., усвоившие «новое учение о языке» Н. Я. Марра и пытавшиеся приспособить методологию марксизма к собственным научным штудиям: О. Ф. Вальдгауэр, В. В. Струве, О. О. Крюгер, Б. Л. Богаевский, Н. П. Баранов, М. С. Альтман, Б. В. Казанский, Н. Н. Залесский, К. М. Колобова, И. И. Мещанинов, В. К. Шилейко и др. В собственном «Автонекрологе» (1932) С. А. Жебелёв с грустью констатировал, что большинство из оставшихся в Советской России классиков «сошли с того пути, по которому они раньше шли и стали искать, но вряд ли нашли пути новые» (Тункина, Фролов, 1993. С. 183).

Борьба научных партий наиболее ярко проявилась в 1925–1927 гг. в связи с избранием С. А. Жебелёва в действительные члены АН СССР, а в ходе «дела Жебелёва» (1928–1929) приобрела формы открытого политического и нравственного противостояния (Тункина, 1997. С. 95; 2000). Эти перипетии нашли отражение в переписке ученых той эпохи.

Все началось с того, что академик В. П. Бузескул поставил вопрос о необходимости пополнения разряда классической филологии и археологии Историко-филологического отделения АН СССР новыми членами и выдвинул на эту кафедру кандидатуру С. А. Жебелёва, поддержанную Ф. И. Успенским, В. В. Бартольдом, С. Ф. Ольденбургом, И. Ю. Крачковским. Резко против выступили востоковеды П. К. Коковцов и Ф. И. Щербатской под предлогом того, что основные труды С. А. Жебелёва были изданы 25–30 лет назад, а его последние публикации носят научно-популярный характер. В тексте ряда книг С. А. Жебелёва, представлявших собой публикацию лекционных курсов в серии книг «Введение в науку» с минимальным научным аппаратом, семитолог П. К. Коковцов и индолог Ф. И. Щербатской усмотрели неоговоренные ссылки заимствования из трудов других лиц и обвинили их автора в плагиате. Позицию двух востоковедов поддержали О. Ф. Вальдгауэр, В. В. Струве и их единомышленники в РАИМК, Эрмитаже, ЛГУ и др., активно распускавшие

слухи о научной недобросовестности С. А. Жебелёва.

Именно эти обвинения имеет в виду О. А. Добиаш-Рождественская в публикуемом документе. Письмо, отправленное из Парижа, скорее всего датируется летом 1926 г. Главной его особенностью является то, что письмо написано откровенно, без оглядки на возможную перлюстрацию. О. А. Добиаш-Рождественская деликатно, боясь задеть давние дружеские чувства адресата к С. А. Жебелёву, просит М. И. Ростовцева прямо высказаться по интересующему ее скользкому вопросу. Письмо интересно не только как свидетельство ее контактов в Париже с давними друзьями Лотами, но прежде всего высказываниями о научном климате в СССР середины 1920-х гг. Из письма становится ясно, что несмотря на пережитую гражданскую войну и полосу террора О. А. Добиаш-Рождественская, как и близкие ей по духу ученые «старой школы» — друзья С. А. Жебелёва — остались верны основным принципам житейской и научной порядочности не только во взаимоотношениях с коллегами, но прежде всего по отношению к основному делу всей своей жизни — науке.

История с избранием С. А. Жебелёва получила новый виток интриги в стенах самой Академии наук: академик В. П. Бузескул 26 ноября 1926 г. в частном письме просил М. И. Ростовцева высказать откровенное мнение о возможных кандидатурах к избранию в действительные члены АН СССР. М. И. Ростовцев немедленно ответил, охарактеризовав С. А. Жебелёва как «настоящего ученого, строгого к себе и снисходительного к другим»: «Могу только пожелать одного, — писал М. И. Ростовцев, — чтобы Академия не дала себя обморочить злостной сплетней, а по достоинству, а не по сплетням, оценила кандидатов» (цит. по Тункина, 1997. С. 97).

В преддверии академических выборов П. К. Коковцов и Ф. И. Щербатской продолжили пропаганду против С. А. Жебелёва, разослав членам других отделений письма с просьбой голосовать против, и заручились поддержкой академиков И. П. Павлова и Н. К. Никольского. На выборной комиссии Историко-филологического отделения 16 марта 1927 г., где было зачитано письмо М. И. Ростовцева, кандидатура С. А. Жебелёва была избрана единогласно, при

этом П. К. Коковцов и Ф. И. Щербатской не приняли участие в баллотировке и подали особое мнение в Общее собрание АН СССР, к которому позднее присоединился акад. Н. К. Никольский. Выборы на Общем собрании АН СССР состоялись 7 мая 1927 г. — из 29 голосов в пользу С. А. Жебелёва был подан 21, против — 8. Таким образом, С. А. Жебелёв стал последним филологом-классиком, избранным в Академию наук по дореволюционным академическим правилам (Тункина, Фролов, 1993. С. 186; Тункина, 1997. С. 98–99).

Однако вскоре в обстановке публичной клеветы и доноса в ходе «Дела Жебелёва» (1928–1929) и «Академического дела» (1929–1931) С. А. Жебелёв, вновь обвиненный в плагиате и пособничестве эмигрантским кругам, под давлением обстоятельств и нажимом административного руководства Академии наук вынужден был публично отречься от собственного друга М. И. Ростовцева (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 90). В конце 1920-х – начале 1930-х гг. С. А. Жебелёв, как и большинство ученых «старой школы», подвергся ожесточенной травле в печати со стороны историков-марксистов и сумел чудом выжить в годы репрессий, пережил изгнание из университета (1927), бесконечные чистки и лишение большинства административных постов в АН СССР и ГАИМК. Показательно, что окончательный выбор между родиной и эмиграцией М. И. Ростовцев сделал десятилетие спустя после отъезда из России, сразу после «дела Жебелёва», в ходе которого 15 декабря 1928 г. ученый эмигрант был исключен из числа действительных членов АН СССР, и в 1929 г. принял американское подданство (Тункина, 1997. С. 109; 2000. С. 149).

Эта краткая фактологическая канва предшествующих и последующих событий, связанных с содержанием публикуемого документа. Письмо представляет собой автограф О. А. Добиаш-Рождественской на трех страницах. Авторские сокращения раскрыты без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования, ошибки и описки (включая пунктуационные) исправлены без оговорок. Для удобства чтения сплошной текст разбит на смысловые абзацы. Комментарии к тексту приведены в подстрочных ссылках.

Дорогой Михаил Иванович!

Я пользуюсь возможностью, пока Вы видите с нашими общими друзьями — Лотами, написать Вам несколько слов, со всем наполняющим их глубоким чувством и даже волнением приветов тех, особенно из Ваших учеников, о ком Вы дружески или благожелательно вспоминали в нашей беседе. Вероятно, Вы были осведомлены о той здравице, которая была за Вас провозглашена на Керченском съезде* и получили, за подписью Марра, приветственную телеграмму.**

Михаил Иванович! После сильных колебаний, я сочла правильным сказать Вам еще об одном.

Не желая позволять себе вмешательства в дела, которые прямо до меня не касаются, я все же считаю неправильным не осведомить Вас об одном деликатном оттенке, коснувшемся Вас. В той борьбе, которая ведется около кандидатуры С.А.***, его оппоненты ссылались на Ваше мнение, как на мнение лица, определенно высказавшегося против нее.

Вы спросите, при чем тут я? Я очень хотела бы быть ни при чём. Но когда я вижу, как волну-

* Речь идет о Керченской археологической конференции (5–15 сентября 1926 г.), приуроченной к 100-летию основания Керченского музея древностей. Она стала первой археологической конференцией, состоявшейся при советской власти, и должна была в какой-то мере заменить прекратившие собираться всероссийские археологические съезды. Конференция подвела итоги археологических исследований в Северном Причерноморье за послереволюционные годы. В состав почетного президиума конференции были избраны Н. И. Калинин, И. В. Сталин, А. В. Луначарский, члены крымского правительства, М. Н. Покровский и акад. С. Ф. Платонов, что должно было стать «символом единения советской власти и науки». На конференции работало 4 секции: 1) доисторической археологии; 2) ирано-эллинская; 3) средневековой археологии; 4) тюркско-татарская. Конференция наметила созыв будущего первого съезда археологов СССР в 1928 г. в Москве, который не состоялся. Председателем оргкомитета являлся академик Н. Я. Марр, выступивший на конференции с пленарным докладом. См.: Гелах, 1927.

** Среди архивных материалов М. И. Ростовцева в различных городах и странах приветственная телеграмма Н. Я. Марра из Керчи мне не встречалась.

*** Под инициалами С.А. здесь и далее имеется в виду С. А. Жебелёв.

ет этот слух друзей С.А. и когда я вспоминаю, как в беседах со мною Вы говорили приблизительно в том смысле, что было бы хорошо если бы «Н.Я.* употребил свое влияние в пользу С.А.», когда я думаю вообще о Ваших отношениях с ним, мне кажется, что корректность в отношении к нашей с Вами беседе вызывает с моей стороны этот акт «осведомительного характера». Если Вам неприятен этот слух, Вы всегда найдете способ парализовать его, минуя меня. Ибо Вы, еще конечно в большей мере чем я, понимаете одиозность какого бы то ни было вмешательства особ дамского пола в предвыборную борьбу посторонних учреждений.

Если Вы далеки и хотите остаться далеким от всех наших дел и слухов, кого и как бы они ни захватили, если Вы считаете неправильным как бы то ни было на них реагировать, я прошу Вас считать это письмо не написанным. Сам С. А., конечно, не знает и не узнает о нем.

Еще раз простите. Если я пишу Вам об этом, то лишь потому, что пред лицом таких слухов меня гнетет мысль, что Вы в один прекрасный день сами спросите меня, почему я молчала, когда как будто имела основание знать настоящее Ваше отношение. Может быть, в этом отношении я ошибаюсь.

Прошу Вас передать от меня искренний привет Софье Михайловне **. Ей сердечно кланяется Нина Николаевна***. Как, конечно, и Вам, наряду

* Речь идет о востоковеде, кавказоведе, лингвисте и археологе, председателе РАИМК-ГАИМК академике Николае Яковлевиче Марре (1864–1934).

** Ростовцева (урожд. Кульничкая) Софья Михайловна (1878–1963), жена М. И. Ростовцева.

*** Добиаш (урожд. Кремлева) Нина Николаевна (1877 – не ранее 1938), историк-антиковед, педагог, переводчик, библиограф. Дочь ректора Казанского университета, профессора римского права Н. А. Кремлева, жена брата О. А. Добиаш-Рождественской — профессора Военно-медицинской академии А. А. Добиаша. Выпускница Высших женских курсов (1902), оставлена

со многими и многими, которые так хотели бы быть на моем месте в тот достопамятный день, когда мы с Вами вспоминали многое далекое.

Искренно преданная Вам
ОДР

К сожалению, в личном фонде О. А. Добиаш-Рождественской в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки ответ на публикуемое письмо отсутствует. В этом фонде сохранилось единственное письмо М. И. Ростовцева от 13 января 1913 года, содержащее отзыв на её статью (ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1 Д. 323). Скорее всего, все письма М. И. Ростовцева послереволюционной эпохи были уничтожены самой Ольгой Антоновой, также, как это сделал С. А. Жебелёв. Возможно, что ответ М. И. Ростовцева был отправлен на парижский адрес Лотов, у которых бывала О. А. Добиаш-Рождественская. В любом случае, позиция М. И. Ростовцева, донесенная в письмах ученикам и коллегам в Ленинград, сыграла решающую роль в деле избрания С. А. Жебелёва действительным членом АН СССР.

на кафедре истории Рима на два года (1902–1904), заведовала практическими занятиями проф. М. И. Ростовцева, слушала лекции в университетах Австрии и Германии (1903), помощник заведующего библиотеки историко-филологического семинария Высших женских курсов (1910–1913). Преподаватель в городских начальных училищах Петербурга (1906–1910), перевела под редакцией Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева «Очерк римской истории и источниковедения» Б. Низе (СПб., 1899; 2 изд. 1908), «Очерки греческой истории в связи с источниковедением» Р. Пельмана (СПб., 1906, перевод совместно с А. Н. Русановой и Е. А. Бекетовой), автор статей по истории римского землевладения для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Помощник библиотекаря Воронежского сельскохозяйственного института (1913–1923). Научный сотрудник в Историческом отделении Публичной библиотеки (1923–1930). См.: Матвеева, Опалинская, 1999. С. 252–253

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. – СПб.: Д. Буланин, 2013. – 416 с., 88 ил.

Воронова Т. П. Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. – Т. 2: Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930. – СПб., 1999. – С. 253–257.

Гелах Т. Керченская археологическая конференция // Историк-марксист. – 1927. – № 3. – С. 248–251.

- Ершова В. М. О. А. Добиаш-Рождественская. – Л.: изд-во ЛГУ, 1988. – 113 с.
- Историографические этюды С. А. Жебелёва (из неизданного научного наследия): Жебелёв С. А. Автонекролог / Публ. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова // Вестник древней истории. – 1993. – № 2. – С. 171–201.
- Матвеева И. Г., Опалинская М. А. Добиаш (Кремлева) Нина Николаевна // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. – Т. 2: Российская Публичная библиотека — Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930. – СПб., 1999. – С. 252–253.
- Наука и научные работники СССР. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда / Под ред. С. Ф. Ольденбурга и Е. Ф. Карского. – Л.: изд-во АН СССР, 1926. – 414 с.
- Письма М. И. Ростовцева А. В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу / Публикация Г. М. Бонгард-Левина, И. В. Тункиной // Скифский роман / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 461–500.
- Российская академия наук. Персональный состав. Книга 2: 1918–1973: Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. – М.: Наука, 2009. – 440 с.
- Ростовцев М. И. Избранные публицистические статьи. 1906–1923 / Подготовка текста, предисловие, комментарии и биографический словарь И. В. Тункиной. – М.: РОССПЭН, 2002. – 192 с.
- Скифский роман / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. – М.: РОССПЭН, 1997. – 624 с.
- Тункина И. В. М. И. Ростовцев и Российская академия наук // Скифский роман. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 84–123.
- Тункина И. В. “Дело” академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. – Вып. 2. – СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, Алетея, 2000. – С. 116–161.
- Тункина И. В. М. И. Ростовцев как политический публицист // М. И. Ростовцев. Избранные публицистические статьи. 1906–1923 годы / Подгот. текста, предисл., коммент. и биогр. словарь И. В. Тункиной. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 3–14.

OVER THE HISTORY OF THE ELECTION TO THE ACADEMY OF SCIENCES IN 1927: THE LETTER BY O.A. DOBIASH-ROZHDESTVENSKAIA TO M.I. ROSTOVZTEFF

© 2015 I. V. Tunkina

The article is the first full publication of the letter written by medievalist O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaia to academician M. I. Rostovtzeff in 1926. The letter deals with the topic of the election of Sergei A. Zhebelev, classicist, corresponding member of the Academy of Sciences, and an old friend of Rostovtzeff's, to the full member of the Academy of Sciences in 1927. The author of the letter asked Rostovtzeff to clear out whether he would support Zhebelev's nomination during the election in 1927. Unfortunately, we do not have Rostovtzeff's reply. The original published letter is held in Rostovtzeff's personal papers of the Special Collections Library of Duke University (Durham, NC, United States).

Keywords: *O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaia, M. I. Rostovtzeff, election to the Academy of Sciences in 1927, S. A. Zhebelev*